

Я родился в семье, столь же далекой от театра, как гимнастерка от моткинга но медные трубы мне случалось пройти именно там, а соло исполняли такие армстронги, как Алексей Дмитриевич Голов и Борис Иванович Равенских, Андрей Александрович Гончаров и Игорь Петрович Владимиров, Михаил Ульянов и Валерий Фокин, Марк Захаров и Иштван Иглоди, Адольф Шапиро и Ефим Падве, Олег Табаков и Вячеслав Спесивцев и много, много других, но прежде всего, конечно же, Юрий Петрович Любимов. Но до того, как перейти к Ю.П., пред которым я склоняю свою семидесятилетнюю спину, надо на полстранички остановиться.

Вероятно, я по натуре — литературный авантюрист (недаром Ю.П. называл меня Дусей Виноградовым!), потому что, не кончая никаких литрабфаков, я начал с того, что написал пьесу. Писал я ее еще в погонах и совсем не потому, что провидчески ощутил жизненный конфликт в армии, а по той простой причине, что написанные пьесы представлялись мне самым бесхитростным делом: слева пишешь, кто говорит, справа — что говорят. Я написал «справа» и «слева», отпечатал одним пальцем и отправил по принадлежности: в ЦТСА.

Через несколько дней я получил телеграмму от завлита театра Антона Сегеди: «**НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ**». И приехал в Москву из Горького, где тогда служил, как говорится во фронтовой песне, «в танкистской форме при погонах».

Ах, как метался по тесному кабинету прекрасный Алексей Дмитриевич, растолковывая мне мое собственное сочинение! Я был так взволнован, что ничего не помню, кроме одной фразы:

— Вы написали пьесу, сидя в зрительном зале. А их надо писать, стоя на сцене!

А Б.И. Равенских, не считая пресловутых чертиков, досаждавших ему на всех репетициях, пригласил меня, завлита Нину Давыдову и режиссера Иванова на читку моей же пьесы к себе домой на Б. Бронную ровнехонько в 12 часов ночи. Мы пришли, а он лежал. В постели, до горла накрытый одеялом. Иванов читал, я с ужасом слушал, какую галиматью сочинил, Нина дре-

мала с открытыми глазами (работая с Борисом Ивановичем, и не тому можно было научиться), а Равенских молчал, как сом. Однако, расслышав слово «конец», вдруг заорал жене: «Галя, грей борщ!», и мы удалились. На часах, что на Пушкинской площади, была половина третьего.

Борис Васильев

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЦРОКИ

ясь из последних сил, пыхтя и страдая, проламывает в стене проход, хотя рядом находится дверь, которую надо просто открыть.

М.А. Ульянов объяснил мне моего же героя еще до того, как был написан сценарий. Игорь Владимиров поставил мюзикл по рассказу «Вы чье, старичье?» и убедил меня, что это прекрасно. Валерий Фокин устроил на сцене театра «Современник» бассейн, который постоянно держал актеров в состоянии напряжения, как бы не угодить в воду, произнося требуемый пьесой текст. Олег Табаков доводил меня до истерики, показывая, как такой Егор Полушкин (я с детства ненормально смешлив). Марк Захаров, в те времена еще не помышлявший о выселении Владимира Ильича с за-

Когда я рассказал об этой читке А.А. Гончарову, он с восторгом удивился и пояснил:

— Прежде, чем ставить пьесу, Борис Иванович берет отбойный молоток и, напряга-

нимаемой им жиплоади, открыл мне удивительного актера в выпускнике театрального училища Саше Абдулове. А Вячеслав Спесивцев на том же литературном материале преподавал урок высочайшего гражданского пафоса. Адольф Шапиро развернул народную трагедию в «Завтра была война», а Андрей Гончаров наполнил ее такой болью, что я до сих пор реву, когда вижу его спектакль. Но все это было лишь увертюрой самого звонкого театрального события в моей жизни.

Я впервые увидел режиссера Любимова в выпускном спектакле шукинцев «Добрый человек из Сезуана», который смотрел, как открытие. Очень радовался, когда Ю.П. получил театр на Таганке — но попасть туда сразу же стало невозможно, и мы с женой смотрели только один спектакль по Маяковскому до того, как мне позвонил Б.А. Глаголин, передавший приглашение Ю.П. встретиться с ним.

Инсценировку сделали быстро, попросив меня дописать несколько реплик и письмо, адресованное Соне. А потом вдруг все заглохло, и я приуныл. Но не звонил, хотя очень хотелось.

Ю.П. позвонил сам, причем чуть ли не ночью. Был, как мне показалось, в большом ликовании и востребовал меня к десяти утра.

— Спички есть? — спросил он, едва я открыл дверь кабинета.

Слегка удивленный этой просьбой, я подал коробок. Он высыпал спички и разломал коробок.

— Это — машина. Это, если подвесить на штанкеты, — лос, если наклонить — болото, если собрать стойма — шала!

А еще дней через десять, что ли, Ю.П. позвонил снова, сказав, что начинаются репетиции, и что я должен приезжать в театр к их началу.

Месяц я ездил в театр, как на работу.

Визит Москва - 1994 - 12 мая 94

Ю.П. сажал меня рядом, с возмущениями и восторгами (возмущений было больше) общался почему-то только ко мне и советовался по каждому поводу. В том числе и по музыкальному оформлению: Ю. Буцко еще не успел его предложить, а сам Любимов пребывал в сомнениях. Он вообще постоянно во всем сомневался: в тексте, в исполнителях, в мизансценах. Сомневался тем мучительным сомнением, которое дано только великим мастерам. А в момент его мучительных терзаний меня отповил Владимир Высоцкий — он играл однок из диверсантов и спускался «с неба» на штанкетах — и после репетиции пел мне свои фронтовые песни. Он очень хотел, чтобы они вошли в спектакль, и я хотел и долго уговаривал Ю.П. Тот одно время ко-

лебался, но тут подоспел Ю. Буцко, и народные песни перевесли: они отвечали индивидуальностям героинь, а не характеру времени.

Сейчас уже мало кто знает, что спектакль «А зори здесь тихие» был рассчитан на два акта, и Ю.П. репетировал в соответствии с этим расчетом, но чем яснее происходил спектакль, тем все больше мрачнел. И никто не понимал, почему он мрачнел, поскольку из репетиций Ю.П. тайны не делал, и все в театре дружно уверяли его, что это — очередная победа. Но Ю.П. уже мало было очередной победы: он понял спектакль, как никто, он чувствовал его и понимал, что в спектакле заложено нечто большее. И однажды во время прогона вдруг ринулся на сцену с пьесой в руках.

— Зинаида, вымарывай от слов... до слов... Виталий, вымарывай к чертовой матери от ... до ...

Тогда уже я ринулся на сцену, потрясая тем же текстом. Я кричал, что нарушается логика, что зритель ничего не поймет, что я, как автор повести, не могу допустить подобного надругательства...

— Зритель в антракте в буфет пойдет! — вопил Ю.П. — Пивка выпьет, и все развалится! Эмоции нельзя рвать, спектакль должен лететь, как ракета!

Мы долго орали друг на друга, а потом я ушел, хлопнув дверью. Нет, мне не стыдно, что я тогда поскандалил. Все мы — рабы штампов, и только огромным талантам дано видеть дальше привычных заборов. Наоборот, я счастлив, что получил предметный урок творческого озарения, а что до криков на сцене, так ведь даже занозу рвешь с болью. Я пришел на генеральную репетицию. Я был потрясен, в горле стоял ком, но на трагедию не плачу. Трагедию уносят с собой, а не размазывают в раздее валке в поздравительных поцелуях.

Низко кланяюсь вам, дорогие мои учителя. Вы не щадили ни времени, ни сил, щедро делясь опытом и талантом. Но с совершенно особым чувством склоняет перед вами, дорогой Ю.П., свою седую голову вечно признательный вам ваш Дуся Виноградов.